

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182306-322>

Магарамов Шарафутдин Арифович

к.и.н., старший научный сотрудник

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

sharafutdin@list.ru

«О ВЕРНОСТИ ЕГО ИЗВЕСТНО ВСЕМ»: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАИБА ДЕРБЕНТА ИМАМА КУЛИ-БЕКА

Аннотация. Присоединение Дербента к Российской империи в результате Персидского похода Петра Великого и нахождение города в ее составе до 1735 г. является одним из важных этапов в многовековой истории Дербента. Мирному процессу присоединения города к империи в значительной мере способствовала политическая позиция и деятельность правителя города в лице наиба Имама Кули-бека, решившего не оказывать сопротивление императорским войскам и мирно сдать город государю Петру Первому. Будучи утвержденным Петром I в той же должности, наиб развил активную политическую деятельность с имперскими властями, проявил своевременную заботу о защите города от нападений отрядов горцев и продовольственном обеспечении горожан, разделил управленческие и судебные функции с российским комендантом А.Т. Юнгером. Изучение политической деятельности наиба Имама Кули-бека, характера его взаимоотношений с российской центральной и региональной властью дает возможность углубить и расширить исторические знания о событиях в Дербенте, и на Восточном Кавказе в целом, связанные с имперской политикой в регионе в первой трети XVIII в. Однако специального изучения деятельности наиба Имама Кули-бека в отечественной историографии до сих пор не предпринималось, чем и обусловлена актуальность принятого исследования. В статье поставлена цель проанализировать деятельность наиба по выстраиванию отношений с новой имперской властью, интеграции Дербента в политико-правовое и экономическое пространство Российской империи; показать сюжеты, демонстрирующие лояльность (верноподданническая речь, подношение ключа, почитание монарха, визит к императорскому двору) со стороны наиба, и могущество и благосклонность (утверждение в должности, чин, подарки, пожалования) со стороны государей. Работа подготовлена на основании анализа имеющихся исследований и широкой источниковой базы с использованием документальных данных из фондов федеральных и региональных архивов, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: Петр Великий; Персидский поход 1722–1723 гг.; Дербент, наиб Имам Кули-бек; пророссийская деятельность; инвеститура; пожалования.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH182306-322>

Sharafutdin A. Magaramov,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Institute of History, Archeology of Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
sharafutdin@list.ru

“HIS LOYALTY IS REPUTED”: POLITICAL ACTIVITY OF NAIB OF DERBENT IMAM KULI-BEK

Abstract. The accession of Derbent to the Russian Empire as a result of the Persian campaign of Peter the Great and being the part of it until 1735 is one of the important milestones in the centuries-old history of Derbent. The peaceful process of joining the city to the empire was greatly facilitated by the political position and activities of the city ruler in the person of Naib Imam Kuli-bek, who decided not to resist the imperial troops and peacefully surrender the city to Tsar Peter the Great. Being approved by Peter I in the same position, Naib developed an active political activity with the imperial authorities, demonstrated timely concern for protecting the city from attacks by mountaineers and providing food for the townspeople, shared managerial and judicial functions with the Russian commandant A.T. Junger. The study of the political activities of Naib Imam Kuli-bek, the nature of his relationship with the Russian central and regional authorities makes it possible to deepen and expand historical knowledge about the events in Derbent, and in the Eastern Caucasus as a whole, related to imperial policy in the region in the first third of the 18th century. However, a special study of the activities of Naib Imam Kuli-bek in domestic historiography has not yet been undertaken, which is the reason for the relevance of the present study. The article aims to analyze the activities of the Naib in building relations with the new imperial government, integrating Derbent into the political, legal and economic space of the Russian Empire; show cases demonstrating loyalty (loyal speech, offering a key, honoring the monarch, a visit to the imperial court) on the part of the Naib, and power and favor (approval in office, rank, gifts, awards) on the part of sovereigns. The study has been prepared on the basis of an analysis of available works and a wide range of documentary data from the collections of federal and regional archives, a significant part of which is being introduced into science for the first time.

Keywords: Peter the Great; Persian Campaign of 1722-1723; Derbent; Naib Imam Kuli-bek; pro-Russian activity; investiture.

23 августа 1722 г. в двух верстах¹ от Дербента российскую армию во главе с императором Петром Великим встретил правитель (наиб²) города Имам Кули-бек вместе с многочисленной городской знатью. Наиб поприветствовал государя Петра I, произнеся верноподданническую речь: «Дербент получил основание от Александра Македонского, а потому нет ничего приличнее и справедливее, как город, основанный великим монархом, передать во власть другому монарху, не менее его великому»; в знак покорности он поднес императору серебряный ключ³ от городских ворот на серебряном подносе⁴, покрытом дорогой персидской тканью – красным изорбафтом [1, с. 11–12; 2, с. 122–124]. У городских ворот высоких гостей ожидала новая торжественная встреча: выстроилась дербентская пехота со знаменем под ружьем, стояло духовенство со священным шиитским флагом («Алиевым знаменем») и множество горожан. Парадным строем под грохот троекратного пушечного салюта и под военную музыку императорские войска вошли в добровольно открывший им ворота Дербент. Пехота расположилась в прибрежной части города, в Дубарах, а конница и казаки разбили лагерь за городом, на берегу реки Милюкент (совр. р. Рубас), в пяти верстах от ее устья, где травы и пресной воды для лошадей довольно много [3, с. 485]⁵. Персидский поход с личным участием Петра I с взятием Дербента подходил к концу.

Во всем этом описанном церемониале с местной стороны первостепенную роль играл представитель дербентской власти, наиб Имам Кули-бек, персона которого в кавказоведческой исторической науке незаслуженно предана забвению. Встречающиеся в научной литературе данные о дербентском наибе ограничиваются лишь отрывочными упоминаниями о нем в связи с мирной сдачей Дербента российским властям и наделением его чином генерал-майора. Отсутствуют какие-либо исследования даже в виде кратких научных сообщений и/или публикаций биографического жанра, за исключением небольшой энциклопедической статьи [4, с. 306–307]. В этой связи в статье поставлена цель

1 В отдельных источниках указано в одной версте от города.

2 Наиб («горододержавец») – правитель Дербента, выбираемый (чаще должность наиба передавалась по наследству) из знатных родов, утверждался в должности персидским шахом. Власть наиб разделял с султаном или беглербегом – наместником шаха, посылаемый от имени шаха из Исфахана.

3 В разных источниках по-разному написано относительно количества ключей: в одних упоминается один серебряный ключ, в других – два ключа. В барельефе А.К. Нартова «Древний Дербень вечному в славе Петру склонися» («Взятие Дербента») 1730-х гг. изображены два ключа. Участник Персидского похода английский врач Джон Белл сообщает о двух золотых ключах от городских ворот и крепости. По замечанию другого участника похода, капитан-лейтенанта Ф.И. Соймонова, «один из сих ключей (и сказывают, что один токмо был) хранится и ныне (на деревянном блюде) в Императорской Кунсткамере при Академии Наук». Далее этот же автор поясняет, что ключ «был от посредственного висячего замка, каковые во всех восточных землях и в Китае обыкновенно употребляются». Можно предположить, что императору все-таки был поднесен один серебряный ключ, который долгое время хранился в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), затем переданный в Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), который, по нашим уточненным данным, и сейчас хранится там.

4 В Походном журнале 1722 г. написано, что серебряный ключ был преподнесен на деревянном подносе.

5 Документы и письма к графу Апраксину по Персидскому походу: о военных действиях; о плавании судов; о доставке припасов; о сношениях с горцами. Приготовления к приезду Петра I в Дербент // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 211. Л. 215.

изучения политической деятельности наиба Имама Кули-бека, характера взаимоотношений с российской центральной и региональной властью, совмещения им управленческих функций в городе с комендантом А.Т. Юнгером, что дает возможность углубить и расширить исторические представления о событиях в Дербенте, и на Восточном Кавказе в целом, в период установления имперской власти в регионе в первой трети XVIII в.

Работа подготовлена с использованием документальных данных из фондов федеральных (РГВИА, РГАДА, РГАВМФ) и региональных (ЦГА РД, НА ИИАЭ ДФИЦ РАН) архивов, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, и с учетом современных достижений исторической науки. Применение комплексного подхода при изучении и анализе архивных документов и материалов позволило показать пророссийскую деятельность наиба Имама Кули-бека, приведшую к мирному процессу присоединения Дербента к Российской империи и сохранению жителями города своего имущества и положения.

Имам Кули-бек (?–1731) родился в Дербенте в знатной семье, принадлежавшей тюркоязычному шиитскому племени курчи и занимавшей в городе привилегированное положение. Представители данного племени в количестве 400 семейств были переселены из Ирана в Дербент в правление шаха Тахмаспа I (1524–1576) в целях укрепления своего господства в стратегически важном Дербентском проходе и усиления позиций шиизма в регионе. Из представителей данного племени формировалась шахская или ханская гвардия, которой командовал наиб или юзбаша (сотник) [5, с. 258; 6, с. 54; 7, с. 61–62].

Судьба дербентского наиба Имама Кули-бека удивительна: занимая должность городского наиба при Сефевидях, ему удалось сохранить за собой этот пост и в период установления российской власти в Дербенте, и до своей кончины. В связи с антииранскими выступлениями на Восточном Кавказе в 1721 г. персидский наместник (султан) Дербента бежал в Исфахан, оставив Имама Кули-бека правителем в городе [8, с. 70]. В отличие от некоторых дагестанских правителей, не смирившихся с появлением многотысячной армии Петра I и присутствием русских интересов в Дагестане, наиб изначально сумел рассчитать правильную стратегию своей политики, выбрав путь союзника российской власти. Пожалуй, наиб Имам Кули-бек – единственный из дагестанских правителей, который изначально проявив лояльность к новой власти, оставался таковым до конца своей жизни. Оценивая отношение наиба к имперской власти, командовавший армией в Западном Прикаспии фельдмаршал В.В. Долгоруков 29 мая 1730 г. писал, что «о верности его известно всем» [9, с. 93].

Пророссийская позиция наиба, который, очевидно, понимал, что в сложившейся ситуации сопротивление бесполезно, и дабы сохранить свою власть и город от разрушения и разорения, определилась сразу после того, как петровская армия высадилась в Дагестане. 4 августа 1722 г. в ответ на Манифест Петра I от 15 июля 1722 г., адресованного кавказским и персидскому народам, наиб Дербента отправил к императору свою депутацию с посланием, в котором говорилось: «Доношу Вашему Императорскому Величеству, что отправленные

от Вашего Величества к нам указы получили, и милость Вашего Величества со удовольствием и покорным благодарением приняли, и должны за Ваше Величество Бога молить...» [9, с. 45]. Посланцы наиба заверили Петра I о его готовности быть под покровительством царя [10, с. 16]. Положение Дербента на тот период было очень тяжелым, на город постоянно нападали восставшие против персидской власти отряды Хаджи-Давуда и Сурхай-хана, от которых наибу приходилось защищать дербентцев своими силами [11, с. 85]. 9 августа последовал ответ от императора дербентскому наибу и его жителям: «Листы Ваши отправленные к нашему Императорскому Величеству получены, из оных усмотрели мы, что Вы посланные от нас универсалы получили и имеете к нам свою верность, и представляете свои услуги, что мы приемлем милостию, и обнадлежаю Вас нашею Императорского Величества милостию...» [9, с. 46].

Еще до вступления Петра Великого в Дербент наиб Имам Кули-бек дружелюбно принял подполковника Г. Наумова, прибывшего в город с отрядом солдат и драгун 15 августа 1722 г. для переговоров. В это же время со стороны моря к городу подошла русская эскадра капитана К.П. Вердена в составе 25 судов. В тот же день в письме Петру I К.П. Верден сообщал, что «из города Дербента комендант или наиб присылал собственного человека своего ко мне на судно с поздравлением о счастливом прибытии с ластовыми судами В.И.В. и зело на оныя суда дивился как оныя на море ходят и сказывал словесно от наиба, что они очень рады видеть очи В.И.В. и в поклонении городом своим под Вашу Императорскую державу» [12, с. 322]. В ходе переговоров наиб согласился о мирной сдаче Дербента и в целях пресечения непредвиденных инцидентов со стороны отдельных горожан, попросил Г. Наумова поставить караул из русских солдат к северным городским воротам и воротам со стороны моря. Поскольку в команде Г. Наумова не было достаточно людей для караула, решено было определить караульщиков из числа эскадры капитана К.П. Вердена [13, с. 89]. 17 августа из Дербента Г. Наумов доносил генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину, что грамоту императора дербентский наиб и жители «приняли с великою радостью, и как мы ехали городом можно было видеть, что все здешние жители тому были рады..., часа через три приходил ко мне дербентской наип и с ним знатные юзбаши и благодарили за милостивою и Его Императорского Величества грамоту»⁶. Жители города направили послание Петру I, в котором говорилось: «По оного Вашего величества указу и манифесту служить и по нашему желанию в послушании пробывать за потребность рассуждаем..., а мы бы бедные милосердным Вашего величества охранением изысканы были» [14, с. 59–60].

В своем донесении подполковник Г. Наумов сообщал об одном неожиданном для них случае: когда они прибыли в город, то столкнулись с тем, что за российские деньги местные купцы отказывались продавать им товар – «как мы прибыли в Дербень на первый день монеты российской в Дербене ни за какие

⁶ Документы и письма к графу Ф.М. Апраксину по Персидскому походу: о военных действиях; о плавании судов; о доставке припасов; о сношениях с горцами. Приготовления к приезду Петра I в Дербент // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 211. Л. 209.

товары не брали». Данная проблема была благополучно разрешена после вмешательства наиба Имама Кули-бека, который «приказал опубликовать, чтоб российскую монету брали по той цене, почему в России берут и по оной публикации дербентские жители российскую монету берут равномерною ценою, как и свою ...»⁷.

Лояльное отношение наиба, как и основной массы горожан, к появлению российских войск в регионе отражено во многих письменных источниках того периода. 30 августа 1722 г. сам Петр I из Дербента, вероятно, из лагеря на р. Миллюкент, впечатленный теплым приемом его наибом, городской знатью и жителями, писал в Сенат, что «... когда приближались к сему городу (Дербенту. – авт.), то наип [наместник] сего города встретил нас и ключ поднес от ворот. Правда, что сии люди нелицемерною любовью приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили» [15, с. 36; 16, с. 5–60]. Из Петербурга в свою очередь сенаторы поздравляли государя Петра Великого, выступившего на стези Александра Великого, и «по этому случаю радостно пили» [17, с. 252].

Находящемуся в Дербенте Петру I дербентский наип продолжал оказывать внимание и любезность. Как сообщает один из участников Персидского похода английский врач Джон Белл, Имам Кули-бек предложил царю свой дом для ночлега и свои подворья для его войск, но он любезно отказался из соображений не беспокоить горожан, или по другой неизвестной причине [18, с. 175]. По имеющимся данным, царь со своей супругой Екатериной посетили дом наиба, где переночевали с 24 на 25 августа под охраной гвардейской роты, а остальное время Петр I предпочел оставаться в построенной специально для него на берегу моря землянке [2, с. 73–74]⁸.

Проанализировав различного характера письменные свидетельства, мы можем утверждать, что государь не проживал в крепости. Утверждение военного историка В.А. Потто, что в Дербенте Петр I жил в цитадели, занимая в ней бывший ханский дворец, где в тиши кабинета обдумывал свои масштабные планы относительно морской торговли России со странами Южного Кавказа, Персией и Индией, вероятно, связано с легендой о том, что якобы государь Петр I, находясь в дербентской крепости, прорубил «окно на Восток», которую историк выдает за достоверный исторический факт [20, с. 30]. Вот как приводит В.А. Потто данную легенду: «Там же (в цитадели Дербента – авт.) в нетерпеливом

7 Там же. Л. 209 и об.

8 Землянка (домик) Петра I стала одним из мнемонических мест Дербента. В XIX в. над землянкой был построен павильон с колоннами и памятной надписью «Место отдохновения Императора Великого Петра». Царственные особы, будучи в Дербенте, старались посетить землянку своего знаменитого предка. В октябре 1850 г. здесь побывал наследник российского престола, Великий князь Александр Николаевич (Александр II). В сентябре 1858 г. достопамятное место в Дербенте посетили великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич. В июне 1868 г. осмотрел город и посетил землянку Петра I юный лейтенант флота, Великий князь Алексей Александрович. В мае 1873 г. это памятное место посетил Председатель Государственного Совета, Великий князь Константин Николаевич во время своего путешествия по Каспию, а в декабре 1914 г. – император Николай II. Благодаря стараниям археологов землянка обнаружена, она является частью музейного комплекса «Дом Петра в Дербенте». Более подробно о пребывании Петра I в Дербенте и исследовании землянки см. [19, с. 165–182; 31, с. 232–244].

ожидании флотилии, плившей из Астрахани, он собственными руками прорубил в одной из комнат окно, из которого открывается превосходный вид на Каспийское море, на город и на его окрестности» [20, с. 30]. Сакральная персона Петра I оказала сильное воздействие на местное население, которое стало сочинять легенды с момента встречи с ним [6, с. 77–78].

Наиб Имам Кули-бек поднес государю Петру Великому, как царствующему гостю, в качестве подарков породистых лошадей – аргамаков, ковры, сахар, сорочинское пшено и проч. [21, с. 106]. Но самым дорогим подношением императору со стороны наиба была рукопись хроники «Дербенд-наме», которая впоследствии стала широко известна в научных кругах востоковедов, за издание которой в 1852 г. был удостоен Демидовской премии уроженец Дербента профессор Мирза (Александр Касимович) Казем-бек – первый декан факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета [22, с. 3].

Находясь в Дербенте четверо суток, с 23 по 27 августа, любопытный монарх продолжал знакомство с городом, его достопримечательностями и его возможностями: осмотрел крепость, наметил место для строительства гавани, посетил дом наиба, побывал в мыльне, где банщику заплатил «один червонной» [17, с. 251]. Пребывание Петра I в Дербенте завершилось пиром в его шатре, где наиб сидел за одним столом с государем [2, с. 73–74].

2 сентября 1722 г. государь, находясь в лагере при Милюкенте, издал грамоту, согласно которой утвердил Имама Кули-бека в той же должности наиба города за оказанные им российской власти «верные свои услуги» [23, с. 259–260]. Тогда же государь предоставил всем дербентским жителям привилегию свободной торговли, т.е. уравнивал дербентцев в статусе с русскими купцами и торговыми людьми [2, с. 77; 3, с. 485–486; 11, с. 85]. Перед отъездом в Астрахань Петр I 6 сентября 1722 г. подарил наибу собственный портрет с алмазами⁹, пожаловал ему чин генерал-майора, назначил начальником «туземного» войска, определил постоянное ежегодное жалованье в размере три тысячи руб., а остальной городской знати – суммарно четыре тысячи руб.¹⁰

Торжественная церемония встречи Петра Великого дербентской делегацией во главе с наибом и процесс мирной сдачи города, которые можно рассматривать как визуализацию подданства со стороны наиба и дербентцев, позже нашло отражение в барельефе А.К. Нартова «Древний Дербень вечному в сла-

9 Недавно с.н.с. ИИАЭ ДФИЦ РАН Н.Д. Чекулаевым в Центральном государственном архиве Республики Дагестан обнаружен документ (ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 203. Д. 79 и об.), датированный 14 мая 1750 г., в котором сын Имама Кули-бека Мухаммад Хусейн-хан просит командующего российскими войсками в Кизляре генерал-лейтенанта А.П. Девица помочь выкупить данный портрет Петра I с алмазами у индийского купца Хожа Чанты. Из текста данного документа выясняется, что Мухаммад Хусейн-хан заложил данный портрет индийскому купцу за пятьдесят рублей, когда он испытывал «крайнюю нужду в деньгах», с условием, что он выкупит его при первой возможности. Когда Мухаммад Хусейн-хан хотел выкупить портрет, выяснилось, что купец Хожа Чанта сбежал из Дербента в Кизляр. К сожалению, пока нам не удалось выяснить, какова судьба этого портрета с алмазами.

10 Копии ордеров кн. В.В. Долгорукова к Донскому войску, допросы войскового толмача о намерении ногайцев и кабардинских князей выступить против России с ханом Дава-Гиреем на Моздок; указы Военной, штат и камер коллегии (копии) о выборе делегатов для проекта нового уложения, о содержании формы, кабацких сборах, ордера коменданта о готовности войск // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 2. Л. 96 и об.

ве Петру склонися» («Взятие Дербента») 1730-х гг., в литографии А. Абрамова «Взятие крепости Дербент» 1872 г., а в наши дни – на картине Камбулатовых «Петр I у стен Дербента» (1988 г.) [22, с. 3].

Процесс мирного взятия Дербента императором Петром Великим, как последнего акта петровского похода в Западный Прикаспий, нашел воплощение в описании торжественного въезда государя 18 декабря¹¹ 1722 г. в Москву после возвращения из Персидского похода. На Триумфальных воротах был изображен Дербент с лаконичной латинской надписью с указанием года 1722: «Struxerat hanc fortis, tenet hanc fed fortior urbem» – «Создал крепость сию храбрый, но взял храбрейший» [24, с. 28; 5, с. 313–314]. По другим данным, текст надписи гласил: «Struxerat fortis, sed fortiori hanc cepit urbem») [22, с. 4]. Согласно мнению В.А. Потто, надпись гласила: «Основан героем – покорён Великим» [20, с. 30]. Существует еще мнение, что надпись звучала совершенно по-другому: «Omnes portae foli aperiuntur PETRO», однако И.И. Голиков предполагает, что она могла быть на других воротах [5, с. 313].

По данным Ф.И. Соймонова, Петр I велел данную надпись нанести на городские ворота в Дербенте, однако по неизвестной причине это сделано не было [13, с. 105]. Интересно мнение И.И. Голикова на сей счет, который отрицает данный факт: «профессор Мартини¹² пишет в своем известии о России, что государь повелел сей стих написать на градских воротах в Дербенте, но сие неправда» [5, с. 313].

Одним из мероприятий российских властей в Дербенте было освобождение путем выкупа находящихся в плену у дербентских жителей лиц христианской веры. В этом деле наиб Имам Кули-бек принимал активное участие. Так, 30 августа 1722 г. генерал-адмирал Ф.М. Апраксин распорядился, чтобы «христиане, которыя от дербенских жителей будут к нему полковнику (дербентскому коменданту А.Т. Юнгеру. – авт.) приходять, тех имена велеть записывать, а их по-прежнему отдавать их хозяевам, и велеть их держать у себя впредь до указа. Токмо того смотреть накрепко, чтоб христиан не приводили в магометанской или в персицкой закон, и сказать наипу, чтобы он велел во всем городе публиковать, дабы все дербенские жители подали ему наипу ведение, сколько у кого христиан есть, а он бы наип о том ведомость дал ему полковнику»¹³. Как видно из данного документа, горожане должны были предоставить информацию об имеющихся у них пленниках-христианах наибу с последующей передачей коменданту города, полковнику А.Т. Юнгеру. Имеются также документальные данные, по которым дербентский наиб «лета от Махометава 1134 году месяца

11 В сочинении Ф.И. Соймонова «Описание Каспийского моря...» указано, что император въехал в Москву 13 декабря. И.И. Голиков, комментируя уточнение даты на 18 декабря, отмечает, что он следовал данным хранящегося у него одного манускрипта, в подлинности которого не сомневается [5, с. 314].

12 Христиан Мартини (1699–1739) – физик, философ, немец по происхождению. В 1725–1729 гг. работал в Петербургской академии наук. После отъезда из России опубликовал сочинение «Сообщения из России», считавшееся в то время на Западе одним из источников по российской истории, куда вошли оригинальные рассказы самого автора.

13 Письма, резолюции и мнения Петра I по выступлению войск в Низовой поход, по военным действиям в Гилян, по допросам военных, по постройкам, расходу казны // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 216. Л. 201.

зелхаджи» расписался за взятые им четыреста сорок три рубля, которые необходимо было заплатить горожанам за выкуп десяти «ясырей» [25, с. 9–10].

При участии дербентского наиба также были освобождены из плена две русские девушки, когда некий «татарин» отвозил их из Аксая в Гилян на продажу. Совершенно случайным образом «из оных обретающихся при Дербене поп бывший в полону узнал дочь свою девку Авдотью, оную наиб взял от того татарина и отдал ему, попу. Да одна девка русская ж Катерина Пензенского уезду с села Трубетчины, коя и в допросе сказала, что она русская, и она чрез наипа взята ж, а за попову дочь тот татарин, которой ее купил, требует деньги, чтоб он дал...»¹⁴.

Пророссийская позиция дербентского наиба не могла не вызывать негативной реакции у тех владетелей, которые не желали смириться с присутствием российских сил в Западном Прикаспии. Так, бакинский султан Мухаммад Гусейн, которого наиб Имам Кули-бек в письме¹⁵, исходя из собственного опыта, призывал к сотрудничеству с российскими властями, порицал поступок наиба: «дербентской де наип сам крестился и людей своих в Дербени всех крестил, а я де того не учиню и государя российского с войском в Баку всякими мерами пущать не буду»¹⁶. Торгового человека Гамзу, доставившего письмо дербентского наиба в Баку, султан хотел убить, а его товарища, информировавшего султана о возвращении Петра I в Астрахань, велел вознаграждать 10 руб. Однако жизнь Гамзы была спасена: ему помогли вернуться в Дербент сторонник России Мамет Кули-бек и его единомышленник Дергах Кули-бек¹⁷, заявившие при этом, что они «... его Императорскому Величеству служить рады, понеже де мы и прежде сего до Его Императорского Величества о том писали» [26, с. 126]¹⁸.

Отношение государя Петра I к жителям Дербента было особенным. Это было выражено в предоставлении дербентцам особых торговых привилегий, как было отмечено выше, а также в указе императора об их обеспечении продовольствием по запросу коменданта или наиба города: «Дербентских жителей надлежит кормить нашим же провиантом и когда комендант Юнгор или Наиб будут к нам о провианте для пропитания дербентским жителям писать, тогда им определите провиант на семью по чему надлежит, а имянно против того, почему в ваших домах людям на семью дается» [24, с. 52].

14 Экстракты из писем ген-майора Матюшкина к графу Апраксину: о военных действиях в Персии и на Кавказе // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 226. Л. 74 об.

15 Очевидно, наиб Имам Кули-бек написал письмо бакинскому султану Мухаммаду Гусейну после того, как последний не пустил в город лейтенанта флота Осипа Лунина, отправленного для переговоров с той же миссией, что и подполковник Г. Наумов в Дербент, и отказался принять русский гарнизон.

16 Описание книг входящим в Кабинет письмам от разных персон 1722 года // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 61. Л. 865–866.

17 Дергах Кули-бек – бакинский правитель (юзбаша), сдавший город русским войскам в июле 1723 г., затем перебежавший на сторону шаха. В 1727 г. он получил прощение и вернулся к русским, но в том же году опять ушел на службу к шаху. В 1732 г. получил прощение и вернулся обратно, и жил в своем дворце в родовом селении Маштага на Апшероне, но уже никаких должностей не занимал. Российская военная администрация, несмотря на его неустойчивое настроение, хорошо к нему относилась. «Умняе его не вижу», – писал о нем командующий российскими войсками от Терека до Куры генерал-майор А.И. Румянцев в Москву в 1730 г.

18 Описание книг входящим в Кабинет письмам от разных персон 1722 года // РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 61. Л. 865–866.

После ухода основных сил российской армии во главе с Петром I из Дербента в начале сентября 1722 г. город напоминал осажденную крепость, горожане испытывали крайнюю нужду в хлебе и продовольствии. В этих условиях наиб Дербента отправил письмо императору и генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину, «что ныне отправлен к Е.И.В. вернейший наш Махамет Юсуфбек, которой Божьем сохранением про здешние состояние... обстоятельно доносить будет [о том], [что] дербенские жители чрез несколько лет жалования небырали, и пришли в великую скудость и бедность, и весьма голодны стали, так ж я приведен во всеконечную скудость... Того ради прошу дабы о сих бедных людей безжалованных и голодных, также ко мне учинена была резолюция, дабы были пожалованы, оные отправленные триста четвертей провианту мы получили»¹⁹.

Получивший письмо наива император распорядился командующему войск в регионе генералу М.А. Матюшкину, находившемуся в Астрахани, погрузить «две бусы хлебом, маслом и солью, чтоб определено дербенским жителем послать в Дербень и отдать наипу, и те бусы отдать ему вообще, объявля ему дабы оные употреблял он в Гилян для пшена и на протчие их потребности»²⁰.

Среди архивных документов нам удалось выявить также личное распоряжение Петра I генералу М.А. Матюшкину «помогать дербенцам в их нуждах, прикрывая их полевые работы»²¹. Дело в том, что с уходом основных военных сил из Дербента, на город возобновились нападения недовольных появлением российских войск в регионе дагестанских владетелей Хаджи-Давуда, Сурхай-хана Казикумухского, уцмия Кайтагского и майсума Табасаранского, которые пытались захватить город. Сохранилась деловая переписка наива с императором и другими государственными деятелями, в которых наиб сообщал о неоднократных нападениях на город горских отрядов²². Нередко от их действий страдали горожане, выходившие за городские оборонительные стены на полевые работы на расположенные в ближайшей сельскохозяйственной округе земельные наделы. Не только солдатам, но и «дербенским жителям из города выходить нельзя, разве для дров на гору с ружьем и то собрався многотством...»²³, – докладывал от 15 октября 1722 г. комендант города А.Т. Юнгер генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину.

Император, высшие военные чины и командующие войск в регионе старались во всем удовлетворять просьбы и пожелания дербентского наива, держать его в курсе имперской политики в условиях, когда отдельные кавказские владетели переходили на сторону турецких властей и с уходом основных российских сил занимали враждебную России позицию. В сентябре 1722 г. наиб

19 Экстракты из писем ген-майора Матюшкина к графу Апраксину: о военных действиях в Персии и на Кавказе // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 226. Л. 40.

20 Там же. Д. 216. Л. 219 об.

21 Там же. Л. 219.

22 Сношения России с Персией «Дела Андреевской деревни» (1716–1724) // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 560. Л. 205–208, 354–358, 363–365, 368–372.

23 Документы и письма к графу Ф.М. Апраксину по Персидскому походу: о военных действиях; о плавании судов; о доставке припасов; о сношениях с горцами. Приготовления к приезду Петра I в Дербент // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 211. Л. 143 и об.

Дербента жаловался на драгунов и казаков, что они «у дербенских жителей, которые ездят в поле для жатвы хлеба и на мельницы, отнимают лошадей и волов ...». С целью пресечения незаконных реквизиций со стороны солдат и казаков было объявлено, что «ежели кто такую противность будет чинить и сыщитца про то подлинно, такие противники будут за то без всякого милосердия казнены смертию ...»²⁴. Другая жалоба дербентского наиба о том, что дербентцам вместо нормального судна было отдано разбитое судно, была разрешена приказом генерал-адмирала Ф.М. Апраксина капитану флота фон Вердену в сентябре 1722 г.: «немедленно отдать им (дербентцам. – авт.) одно судно из ластовых со всею снастию из тех, которые у вас в команде обретаются ...»²⁵.

По указанию Петра I дербентский комендант, как представитель российской администрации, в своей управленческой практике должен был тесно сотрудничать с наибом. Для этого, по императорскому указу, генерал-адмиралом Ф.М. Апраксиным от 30 августа 1722 г. была подготовлена специальная инструкция для только назначенного комендантом Дербента полковника А.Т. Юнгера, второй пункт которой гласил: «с дербенским наипом иметь согласие, и поступать ласково, и в среднем городе ево команды не отнимать, и по воротам оной крепости караулам быть от него, или как с общаго согласия заблагоразсудите»²⁶.

В других пунктах той же самой инструкции было указано, чтобы с разрешения наиба купцы ездили в Персию, и только самого наиба и его посланников следовало пускать в крепость города: «Нижней город ведать вам же и ворота запереть боковые на поле, но сие чинить с согласия с наипом. И никою [в] Персию не пущать и разве когда наип будет говорить для отправления какова купечества, отправлять какое судно, тогда отпирать и караул иметь... В верхнюю крепость кроме наипа и присланных от него жителей здешних кроме тех, которые там живут домами, без своего позволения никого не пущать, и ворота в верхней крепости, и нижнего города также, и которые есть на поля держать под своим караулом, и без дела не отворять, только калитку иметь отперту у тех ворот, которые [ведут] в Нижний город»²⁷. Подобное правило стало следствием запрета всем комендантам крепостей и ретраншементов «чужеземцев магометанского закона никакой нации в крепость не пущать; а кто будет прислан, от которого владельца с письмом, у таких принимать письма, и разговаривать за крепостью, так же которые станут привозить какой харч, таких отводить места от крепости ..., и там покупать и продавать, а в крепость не пущать»²⁸.

Наиб Дербента совместно с комендантом города осуществлял правосудие в тех случаях, когда в противоправные дела были вовлечены, с одной стороны, солдаты и офицеры, с другой, местные жители. Каждая сторона судилась по собственным законам: «Ежели будут происходить между здешних обывателей и салдат какие ссоры и будет челобитье, розыскивать праведно, буде побьет челом персиянин,

24 Там же. Д. 259. Л. 201 об.

25 Там же. Л. 216.

26 Там же. Д. 216. Л. 198–201.

27 Там же.

28 Там же. Л. 192, 203–205 об., 206–209 об.

то сказать через посылку наипу, чтоб для розыску приехал, буде же сам при том быть не похочет, то б прислал своего юзбашу. А вам от себя посылать афицера и розыскивать верно и ни в какие неправедныя обиды не допускать. А ежели салдат побьет челом на дербенского жителя, то делать против вышеписанного ж, а буде учинитца ссора между афицерами, то разсудать самим купно с наипом. А буде подлых людей, то определить афицера, а к наипу послать, чтоб от себя афицера ж определил, и так все ссоры купно с ними вышеписанным порядком судить, наказания чинить каждому народу по их правам»²⁹.

В один конфликтный случай был втянут сам наиб Имам Кули-бек. Как отмечал комендант города А.Т. Юнгер в своем донесении генералу М.А. Матюшкину, в 1725 г. произошла ссора между наибом и дербентскими армянами во главе с их епископом Мартиросом. Причиной послужила судьба купленной наибом у местных жителей за 350 руб. «девки ясырки черкесски» в качестве «подарка Ея Величеству Государыне Императрице» Екатерине I. Однако некий армянин Яков Миризян (Миржанов) сумел увезти данную «девку» со двора наиба, проживавшую с его женами, и спрятать в амбаре у епископа Мартироса, где она провела четыре дня. Наиб пожаловался коменданту на дербентских армян, от которых, по его словам, «нам житья не стало», доходило до того, что его «самово они обижают» и далее «будут и жен наших уводить из домов наших» [26, с. 293–294]. Дербентские армяне, в случае наказания Якова, погрозились покинуть Дербент. Как выяснилось из показаний черкешенки, армянский епископ Мартирос был в курсе всей этой истории. Коменданту приходилось сталкиваться с подобными действиями епископа, о чем он извещал военное руководство Низового корпуса Императорской армии: «оныя непорядки от армян чинятся чрез самово их епископа Мардироса, и признаваю, что он их армян доброму смирению и порядочному житью не учить, токмо им он потатчик...» [26, с. 294]. Для российской администрации данный инцидент был сложным для разрешения, поскольку она не могла оставить без внимания жалобу наиба, которого «с людьми его раздрожить не можно и надлежит быть к ним ласкову», с одной стороны, и невозможно «также и армян не дать ни в малую обиду и за них стоять и беречи их», с другой [27, с. 294].

Видимо, отношения между наибом и армянским епископом Мартиросом были сложными и непростыми. Последний старался показать наиба в негативном качестве, сообщая неправдоподобную информацию о нем до российской администрации. Так, в 1724 г. епископ заявил коменданту «Юнгеру будто усмей, Сурхай и шемхал з дербенским наипом согласились, чтоб обратца и вырубить русских и армян, обретающихся в Дербени...»³⁰. Здесь уместно будет ограничиться оценкой самого коменданта, что «епископ Мардирос о некоторых случаях чинил доношения, чего и не бывало» [27, с. 294].

²⁹ Там же.

³⁰ Книга Персидского наряда. «О бытии у разграничения при генерал-майоре Румянцеве майору Герберу и подполковнику фон-Лукею, и о замешании в Ряще и в Баке; об убийстве полковника Зинбулатова и прочих и об отправлении в Низовой корпус от артиллерии майора, француза, Меклера» (1724–1728) // РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/ 47. Д. 4. Л. 20.

Поддержкой наиба в урегулировании отношений с российской администрацией пытался заручиться уцмий Ахмед-хан, изначально не смирившийся с присутствием российской власти в Дагестане. В 1725 г. он обратился к наибу с письмом (аналогичное письмо он отправил и коменданту города), в котором информировал, что отправил к нему «вернова своего слугу мулла Магамет-казы с вашими людьми и с шихом моим Аджи Сафи» для того, чтобы «учинить между собою и нами верную дружбу, и между нами бы никакой противности не было». Далее уцмий просил наиба, чтобы он отправил от себя и «от русских несколько человек» для переговоров и «чтоб были всегда в дружбе, о чем и люди мои о том желают, что с вами и с рускими быть в приятстве»³¹. 26 июня 1725 г. письмо с аналогичным текстом наибу отправил шамхал Адиль-Гирей³², видимо, пытаясь с помощью наиба смягчить сложные российско-шамхальские отношения. Однако к этому времени проблема настолько усугубилась, что ее решение российская администрация видела только в пленении и отстранении шамхала от власти, что в итоге и произошло.

В сентябре 1726 г. Имам Кули-бек отправился в Петербург, где провел несколько месяцев. Наиб несколько раз (2 ноября, 29 декабря 1726 г., 4 января, 15 марта 1727 г.) был принят князем А.Д. Меншиковым, на тот период президентом Военной коллегии, и вместе с ним посетил императрицу Екатерину I в Зимнем дворце, с которой он был лично знаком еще с августа 1722 г. [28, с. 473, 498, 501, 526]. Сменивший в феврале 1726 г. в должности командующего Низовым корпусом большого генерала М.А. Матюшкина князь В.В. Долгоруков предостерегал центральные власти, чтобы наиба не одаривали дорогими подарками и не выплачивали ему сверх положенного жалованья, поскольку и другие горские владетели захотят всего этого блага для себя. «Еже ль ево (наиб. – авт.) высоко поведут и по его желанию все ему отдадут, то так здешние дела тем повредят, что исправит будет невозможно. Первое, что здешние владельцы, как дагистанские, так и горские пожелают такова ж всякой себе награждения, что уже и видно, усмей ко мне прислал перваго своего человека, написав челобитную, чтоб ево отправить к двору, в челобитье ево написано, чтоб ему и детям ево, и ближним ево людям, и секретарям, и узденям погодно давать, по чему ему давалось от персицкого шаха на всякой год больше двенадцати тысяч рублей»³³, – заключал князь.

В.В. Долгоруков считал и без того «не ущербным» положение наиба, которому со времени перехода его в российское подданство и «по нынешнее время (сентябрь 1726 г. – авт.) как денег, так и хлеба не мало дано» – более 10 тыс. руб. Кроме этого, наиб владел деревнями Дербентской округи, с которых доход «имеет великое», а «нам из ево богатства какая польза может быть». Поэтому

31 Реестр книгам входящим в Кабинет из присудственных мест и от других персон сообщениям, письмам и протчим делам 1725 года // РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 74. Л. 847.

32 Сношения России с Персией «Дела Андреевской деревни» (1716–1724) // Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 560. Л. 367.

33 Реестр книгам входящим в Кабинет из присудственных мест и от других персон сообщениям, письмам и протчим делам 1726 года // РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 77. Л. 1033 и об.

здешний народ такой, «что умерено их содержать к нашей пользе прибыльно» [29]. Вероятно, к советам В.В. Долгорукова в Петербурге прислушались: по распоряжению императрицы наибу было выдано жалованье в три тысячи рублей – не более того, что он получал ежегодно. Не был наиб наделен и новым чином. До конца своей жизни Имам Кули-бек оставался в чине российского генерал-майора. В 1731 г. после его смерти должность наиба перешла его брату, полковнику Алла Кули-беку [30, с. 258].

Подводя итоги, прежде всего, следует обратить внимание на то, что наиб, служивший при прежней персидской администрации, удачно перестроился под новые военно-политические реалии, перейдя на службу империи и сохранив за собой должность наиба при новой власти. Политическая позиция наиба в сложившейся международной ситуации была, на наш взгляд, единственно верной – благодаря его действиям жители Дербента сохранили свое имущество и положение, перешли под покровительство сильной державы, получили возможность свободной торговли в России. Горожанам не было смысла и шансов оказывать военное сопротивление многочисленной, сильной, хорошо организованной петровской армии – в противном случае их ожидала тяжелая, гибельная участь. В качестве такого примера – осада Баку в июле 1723 г., когда после отказа от сдачи начался артиллерийский обстрел, продолжавшийся несколько дней и вызвавший гибель защитников и горожан, разрушения и пожары; в итоге начальник гарнизона (юзбаши) Дергах Кули-бек объявил о сдаче города, а жители Баку приветствовали русских солдат [30, с. 94–95]. В отличие от ряда дагестанских владетелей, у которых была возможность не проявлять лояльность Петру и чьи владения не входили в сферу его интересов, с Дербентом дело обстояло иначе. Дербент, имевший особое стратегическое значение, изначально входил в число городов, которые Петр I планировал присоединить к Российской империи, взятие его было одной из важнейших задач Персидской кампании. Мощь и сила русской армии, заблаговременно разосланный императорский манифест, гарантии безопасности обусловили решение дербентского наиба с первых дней вступления российских войск в Дагестан выразить свою покорность государю Петру Великому. Имперская власть в свою очередь высоко оценила позицию наиба, проявив благосклонность не только наибу, но и ко всем горожанам. Наибу была предоставлена возможность служить империи и даже осуществить визит ко двору императрицы Екатерины I. До конца своей жизни наиб остался верен российской власти.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42023 «Пётр Великий в исторической судьбе Кавказско-Каспийского региона». Рук.- Ш.А. Магарамов.

Acknowledgments. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-09-42023 "Peter the Great in the historical fate of the Caucasus-Caspian region". Leader - Sh.A. Magaramov.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Потто В.А. Петр I на берегу Каспийского моря. СПб.: В. Березовский, 1912. – 14 с.
2. Походный журнал 1722 г. СПб., 1855. – 194 с.
3. О Персидском походе при государе Петре Великом бывшем // Русский архив. 1899. № 12. С. 481–491.
4. Имам-Кули-бек // Гусейнов Г.-Б.Я. Краткая энциклопедия города Дербента. Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2005. С. 306–307.
5. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. VIII. М.: В Университетской типографии, 1789. – 449 с.
6. Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура: «Русская типография» В.М. Сорокина, 1906. – 468 с.
7. Магарамов Ш.А. Этно-конфессиональная картина города Дербента в VI–XIX вв. // История, археология и этнография. Т. 16. № 1. 2020. С. 50–75.
8. Краткая летопись войнам, веденным русскими против персиян // Отечественные записки. Ч. 32. СПб., 1827. С. 53–93.
9. Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку: Изд-во «Элм», 1975. – 232 с.
10. Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. Ч. 2. Т. IV. СПб.: Печатано в Военной типографии Главного штаба, 1823. – 255 с.
11. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 60–120.
12. Материалы для истории русского флота. Ч. IV. СПб.: Типография Морского Министерства в Главном Адмиралтействе, 1867.
13. Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого. СПб.: при Императорской Академии Наук, 1763. – 380 с.
14. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука, 1991. 221 с.
1. Potto VA. *Peter I on the shore of the Caspian Sea [Petr I na beregu Kaspiyskogo morya]*. Saint-Petersburg: V. Berezovsky, 1912.
2. *Travel journal of 1722 [Pokhodnyy zhurnal 1722 g.]*. Saint-Petersburg, 1855.
3. About the Persian campaign under the former sovereign Peter the Great [O Persidskom pokhode pri gosudare Petre Velikom byvshem]. *Russian archive*. 1899, 12: 481–491.
4. Imam-Kuli-bek. In: *Guseynov G.-B. Ya. Brief encyclopedia of the city of Derbent*. Makhachkala: Yupiter, 2005: 306–307.
5. Golikov II. *Acts of Peter the Great, the wise reformer of Russia, collected from reliable sources and arranged by years [Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazitelya Rossii, sobrannye iz dostovernnykh istochnikov i raspolozhennye po godam]*. Part VIII. Moscow, 1789.
6. Kozubsky EI. *History of the city of Derbent [Istoriya goroda Derbenta]*. Temir-Khan-Shura, 1906.
7. Magaramov ShA. Ethno-religious composition of the city of Derbent in the VI-XIX centuries. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2020, 16(1): 50–75.
8. Brief chronicle of the wars waged by the Russians against the Persians [Kratkaya letopis' voynam, vedennym russkimi protiv persiyan]. *Otechestvennye zapiski*. Part 32. Saint-Petersburg, 1827: 53–93.
9. Aliev FM. *Anti-Iranian speeches and the struggle against the Turkish occupation in Azerbaijan in the first half of the 18th century [Antiiranskie vystupleniya i bor'ba protiv turetskoy okkupatsii v Azerbaydzhane v pervoy polovine XVIII v.]*. Baku: Elm, 1975.
10. Buturlin DP. *Military history of Russian campaigns in the 18th century [Voennaya istoriya pokhodov rossiyan v XVIII stoletii]*. Part 2. Vol. IV. Saint-Petersburg, 1823.
11. Herber J.-G. Description of countries and peoples along the western coast of the Caspian Sea. 1728. [Opisanie stran i narodov vdol' zapadnogo berega Kaspiyskogo morya. 1728 g.] *History, geography and ethnography of Dagestan XVIII-XIX centuries. Archival materials*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1958: 60–120.
12. *Materials for the history of the Russian fleet [Materialy dlya istorii russkogo flota]*. Part IV. Saint-Petersburg: Printing house of the Naval Ministry in the Main Admiralty, 1867.

15. Бумаги императора Петра I. СПб.: Тип. 2-го отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1873. – 59 с.
16. Мельгунов Г.В. Поход Петра Великого в Персию // Русский вестник. Т. 110. 1874. С. 5–60.
17. Шереметев П.С. Владимир Петрович Шереметев. 1668–1737. М.: Синодальная типография, 1914. – 416 с.
18. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли; а именно: Испогань, в Пекин, в Дербент и Константинополь» Ч. 3. СПб.: при Имп. Акад. наук., 1776. – 247 с.
19. Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будайчиев А.Л., Абдуллаев А.М., Шаушев К.Б. Исследования выявленного объекта культурного наследия «Домик Петра I» в Дербенте // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 3 (43). С. 165–182.
20. Потто А.В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1881. – 385 с.
21. Лантева Т.А. Дербент в составе Российской империи: Письма коменданта полковника А.Т. Юнгера в Кабинет Е.И.В. (1722–1725) // Петр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. СПб.: Европейский дом, 2019. С. 105–129.
22. Гаджиев М.С., Юсуфов В.М. Петр Великий и Дербент // Мавраевъ. № 4 (5). 2014. С. 2–10.
23. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII века. Сборник статей / Под. ред. Р.Г. Маршаева. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1958 г. – 336 с.
24. Комаров В. Персидская война 1722–1725. М.: в Университетской тип., 1867. – 68 с.
25. Западный Прикаспий в составе Российской империи (1722–1735 гг.). Сборник архивных документов. Махачкала: Мавраевъ, 2020. – 376 с.
26. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. М., Изд-во МГУ. 1951. – 247 с.
27. Черкешенка для императрицы Екатериной Первой // Русский архив. 1911. № 6. С. 293–296.
28. Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. X. Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. М.:
13. Soymonov FI. *Description of the Caspian Sea and the Russian conquests made on it, as part of the history of the Emperor Peter the Great [Opisanie Kaspiyskogo morya i chinennykh na onom rossiyskikh zavoevaniy, yako chast' istorii gosudarya imperatora Petra Velikogo]*. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1763.
14. Sotavov NA. *North Caucasus in Russian-Iranian and Russian-Turkish relations in the 18th century [Severnyy Kavkaz v russko-iranskikh i russko-turetskikh otnosheniyakh v XVIII v.]*. Moscow: Nauka, 1991.
15. *Documents of Emperor Peter I [Bumagi imperatora Petra I]*. Saint-Petersburg, 1873.
16. Melgunov GV. Campaign of Peter the Great in Persia [Pokhod Petra Velikogo v Persiyu]. *Russkiy vestnik*. Vol. 110. 1874: 5–60.
17. Sheremetev PS. *Vladimir Petrovich Sheremetev. 1668–1737*. Moscow: Synodal Printing House, 1914.
18. *Bell's travel through Russia to different Asian lands; namely: Ispahan, to Beijing, to Derbent and Constantinople [Belevy puteshestviya cherez Rossiyu v raznye Asiyatskie zemli; a imenno: Ispogan', v Pekin, v Derbent i Konstantinopol']*. Part 3. Saint-Petersburg: Imp. Acad. of Sciences, 1776.
19. Gadzhiev MS, Abiev AK, Budaichiev AL, Abdullaev AM, Shaushev KB. Research of the identified object of cultural heritage “House of Peter I” in Derbent [Issledovaniya vyyavlennoy ob'ekta kul'turnogo naslediya «Domik Petra I» v Derbente]. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2015, 3(43): 165–182.
20. Potto AV. *Caucasian war in separate essays, episodes, legends and biographies [Kavkazskaya vojna v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh]*. Vol. 1. Saint-Petersburg, 1881.
21. Lapteva TA. Derbent as part of the Russian Empire: Letters from Commandant Colonel A.T. Junger to the Cabinet of E.I.V. (1722–1725). [Derbent v sostave Rossiyskoy imperii: Pis'ma komandanta polkovnika A.T. Yungera v Kabinet E.I.V. (1722–1725)] *Peter I and the East. Proceedings of the XI International Peter's Congress*. Saint-Petersburg: European House, 2019: 105–129.
22. Gadzhiev MS, Yusufov VM. Peter the Great and Derbent. *Mavraev*. 2014, 4(5): 2–10.

Рос. Фонд культуры; Студия «ТРИТЭ», Рос. Архив, 2000. – 646 с.

29. Магарамов Ш.А. Российская империя в Западном Прикаспии в 1722–1735 гг.: опыт управления регионом // История. Т. 12. Вып. 10. (108). DOI 10.18254/S207987840017048-1

30. Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. – 384 с.

31. Гаджиев М.С. Петр Великий и Дербент // Петровские памятники России и Европы: изучение, сохранение, культурный туризм. Материалы VII Международного петровского конгресса. СПб.: Европейский дом, 2016. С. 232–244.

23. *Russian-Dagestan relations of the XVII – the first quarter of the XVIII century. Collection of articles [Russko-dagestanskije otnosheniya XVII – pervoy chetverti XVIII veka. Sbornik statey]. R.G. Marshaev (ed.). Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1958.*

24. Komarov V. *Persian War of 1722-1725 [Persidskaya voyna 1722-1725]. Moscow, 1867.*

25. *Western Caspian within the Russian Empire (1722–1735). Collection of archival documents [Zapadnyy Prikaspiy v sostave Rossiyskoy imperii (1722–1735 gg.). Sbornik arkhivnykh dokumentov]. Makhachkala: Mavraev, 2020.*

26. Lystsov VP. *Persian campaign of Peter I [Persidskiy pokhod Petra I]. Moscow: MSU Publ., 1951.*

27. Circassian woman for Empress Catherine the First [Cherkeshenka dlya imperatritsy Ekaterinoy Pervoy]. *Russkiy arhiv*. 1911, 6: 293-296.

28. *Russian archive: History of the Fatherland in evidence and documents of the 18th–20th centuries [Rossiyskiy arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.]. Issue. X. Everyday notes on the affairs of Prince A.D. Menshikov. 1716-1720, 1726-1727 Moscow: Ros. Cultural Foundation; Studio “TRITE”, Ros. Archive, 2000.*

29. Magaramov ShA. The Russian Empire in the Western Caspian in 1722–1735: the experience of managing the region [Rossiyskaya imperiya v Zapadnom Prikaspii v 1722–1735 gg.: opyt upravleniya regionom]. *History*. Vol. 12. Issue 10. (108). DOI 10.18254/S207987840017048-1

30. Kurukin IV. *Persian Campaign of Peter the Great: Grassroots Corps on the Banks of the Caspian Sea (1722-1735) [Persidskiy pokhod Petra Velikogo: Nizovoy korpus na beregakh Kaspiya (1722-1735)]. Moscow: Quadriga; United edition of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010.*

31. Gadzhiev MS. Peter the Great and Dербent. *Petrovsky monuments of Russia and Europe: study, preservation, cultural tourism. Proceedings of the VII International Peter's Congress*. Saint-Petersburg: European House, 2016: 232-244.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022 г.